

Оказавшись в ресторане «Нерей» во второй раз, Хань Цзин всё ещё испытывал детское любопытство. Он поймал себя на том, что бесцеремонно разглядывает виртуальную хостес — белокурую голубоглазую красавицу, стоявшую у входа. Проекция выглядела пугающе живой и реалистичной, но до голограмм атлантов ей было далеко — пропасть между ними казалась непреодолимой. В этой девушке всё ещё угадывалась искусственность: в преломлении света на безупречной коже и в текстуре шелковистых волос то и дело проскальзывали едва заметные программные изъяны.

Голограммы атлантов, напротив, дышали первозданной, вечной гармонией природы. Сияние их золотых глаз излучало бездонную мудрость, переплетённую с едва уловимой, призрачной чувственностью. Каждое их слово несло в себе безмолвную силу, мягко, но властно подчинявшую себе волю слушателя.

Хань Цзин вспомнил вчерашний разговор с генералом Норманом, и эти слова отозвались в нём новым, куда более глубоким пониманием.

«Как и говорил Морис, наша Сверхсветовая технология FTL — лишь младенческий лепет на фоне истинной Технологии гиперпространственного прыжка атлантов».

Коралловый ярус «Нерея» переливался всеми мыслимыми красками. В обеденное время смотровые площадки у Красного рифа оказались полностью забронированы, так что им пришлось занять места в зоне лунных медуз с её изогнутыми панорамными стёклами.

Эти крошечные создания нежного лазурного цвета, размером едва ли с фалангу пальца, мерцали мягким неоновым светом. В густой океанской синеве мириады полупрозрачных существ казались россыпью далёких звёзд, пульсирующих в такт невидимому сердцу бездны.

Хань Цзин заворожённо наблюдал за ними, и его сердце больше не сжималось от боли при мысли о баснословно дорогом меню, которое так бесцеремонно выбрал его старший сокурсник.

Роджер осушил бокал красного вина. От нежной глубоководной рыбы хунли на его тарелке остался лишь панцирь, и бывшее раздражение наконец улеглось.

— Наверху, должно быть, затянуло тучами, — нарушил молчание Роджер. — В верхних слоях сейчас темно, вода налилась густой синевой. Редкая удача — застать лунных медуз во всей красе.

Заметив, что старший наконец оттаял, Хань Цзин с напускным вздохом пожаловался:

— Пейзаж и впрямь чудесный, вот только жаль, что эта трапеза сожрала добрую половину моего прошлого жалованья.

— Я твой старший, так что платить — твоя святая обязанность! — Роджер со смехом взъерошил

ему волосы. — К тому же теперь ты на Базе № 9. Не переживай, со следующего месяца твой оклад вырастет в шесть раз, не меньше.

— Мой месячный заработок за полгода?!

— А то как же! Думаешь, почему твой ненаглядный наставник расхаживает исключительно в вещах от кутюр? — Роджер вальяжно раскинул руки и откинулся на мягкую спинку дивана, демонстрируя свой безупречный гардероб.

Хань Цзин послушно оглядел его с ног до головы и мягко улыбнулся:

— Я в этих марках ничего не смыслю. Для меня что высокая мода, что рабочая спецовка — всё едино.

— Ах ты паршивец! Издеваешься надо мной? — Роджер в шутливой ярости навалился на него, безжалостно путая ему волосы. — Ничего он не смыслит! А зачем тогда заставил меня позировать?!

— Не хотел портить тебе триумф, — сквозь смех ответил Хань Цзин, перехватывая его руки, но затем посерьёзnel: — Но если без шуток... Роджер, у тебя ведь что-то стряслось? С самого утра на тебе лица нет.

— А чему тут радоваться? — Роджер мгновенно сник, его улыбка вышла натянутой. — Только что пришёл приказ. Меня переводят под начало этой ледяной глыбы, генерала Мориса...

«Морис?!»

Хань Цзин замер, уколовшись острой, почти детской завистью. О, как бы он хотел сейчас оказаться на месте Роджера!

— Генерал Морис, конечно, суров, — стараясь говорить как можно более беспристрастно, произнес Хань Цзин. — Но ты ведь сам говорил, что он кристально честен и всегда судит по делам. Если будешь выкладываться на работе, он не станет тебя притеснять.

— Да если бы дело было в этом... — Роджер плеснул себе ещё вина и сокрушённо покачал головой. — Оказаться под командованием Мориса — значит с головой уйти в проект «Звёздных врат».

— Звёздные врата? Но разве это не величайший прорыв? — Перед мысленным взором Хань Цзина мгновенно возник исполинский, иссиня-чёрный древний диск, способный открывать пути сквозь время и пространство.

— Прорыв-то прорыв, но как я оставлю Гленна? — На лице вечно беззаботного Роджера проступила глубокая, тяжёлая тоска. — Ты здесь новичок и многого не понимаешь. Исследования Врат забросят нас в неведомые глубины космоса, туда, куда человечество даже боялось заглядывать. Мы отправимся на поиски того, что атланты называют «плодами цивилизации».

— Чужой разум, неизвестный уровень технологий, не поддающийся расчётам риск... Кто знает, с чем мы там столкнемся и вернемся ли вообще? Конечно, может, я просто сгущаю краски, но... Гленн. Я не могу выкинуть его из головы.

Роджер залпом осушил очередной бокал.

— Сам знаешь, он ждёт ребёнка. А характер у него — кремень, гордый до невозможности. Я места себе не нахожу при мысли, что его заберут в палату, а меня не будет рядом. А когда малыш родится? Он ведь будет совсем крохой, а мне придётся лететь в эти чёртовы неизведанные галактики без малейшего шанса вернуться назад в обозримом будущем. Вся ноша свалится на плечи Гленна. Не хочу, чтобы он оставался один. Совершенно без помощи.

«Кто бы мог подумать, что его чувства настолько глубоки...»

Хань Цзин поднял свой бокал, салютуя сокурснику, и мягко предложил:

— Может... мне стоит поговорить с Морисом? Попробую выбрать удобный момент.

— Без толку. Ты зелёный новичок, у тебя даже допуска нет, чтобы просто обратиться к четырёхзвёздному генералу. А уж уломать этого ледяного истукана и вовсе за гранью фантастики.

— Но я... его сосед по апартаментам, — нерешительно возразил Хань Цзин, не смея раскрыть истинный характер их близости.

Роджер дружески хлопнул его по плечу:

— Спасибо за порыв, ценить ценю, но только зря подставишься. Морис решает вопросы исключительно с позиции долга. Он тебе не добряк Шерман, семейными трудностями подчинённых его не разжалобить.

— Впрочем, эти Врата ещё даже из-под земли не достали. Может, я и впрямь зря паникую? Глядишь, пока их запустят, мои оболтусы уже в академию поступят! — Роджер внезапно рассмеялся, отгоняя мрачные думы.

— Вот и правильно, проблемы надо решать по мере их поступления, — подхватил его тон Хань Цзин. Затем, стараясь говорить как можно непринужденнее, спросил: — Кстати, Роджер... А

каков вообще критерий отбора в команду генерала Нормана? Признаться, эти исследования чертовски будоражат моё любопытство.

Он пригубил вино, маскируя за вежливой улыбкой истинные мотивы своего интереса.

Роджер принял бокал и лукаво прищурился:

— Попасть к Морису — задачка не из простых. Туда берут офицеров в звании не ниже полковника. Мне вот только-только погоны обновили, и надо же — сразу угодил под его тяжёлую руку. Повезло так повезло.

— Полковник... Обязательно быть полковником?

Выше полковника — только бригадный генерал. А у самого Хань Цзина за душой не было даже младшего лейтенантского звания. Впереди простиралась глухая стена из пяти чинов: второй лейтенант, первый лейтенант, капитан, майор, подполковник... От такой арифметики опустились бы руки у кого угодно. Перспектива казалась бесконечно далекой.

— Если бы не личная инициатива Мориса, то планка была бы ещё выше — туда зачисляют в основном генерал-майоров. В конце концов, экспедиция к Вратам — это дело для элиты из элит.

— Генерал-майор?! — Хань Цзин почувствовал себя окончательно раздавленным.

Ранее через терминал Базы он подробно изучил устав о присвоении воинских званий. Для научного персонала его уровня потолок без боевых заслуг был крайне низок: статус штатного специалиста приравнивался к званию второго лейтенанта, а статус ведущего эксперта — к капитану. Чтобы продвигаться дальше, требовалось либо лично участвовать в глубоких космических экспедициях, либо совершить фундаментальный прорыв в науке. Роджер получил своё звание полковника благодаря исследованиям на Хароне — миссии, которая до сих пор числилась под грифом «Совершенно секретно» уровня S.

Заметив, как помрачнел Хань Цзин, Роджер поспешил его подбодрить:

— Хотя исключения случаются. Если у тебя достанет таланта заставить генерала Мориса лично запросить твою кандидатуру, звание не сыграет роли. Вот только добиться этого... проще воду в решете удержать. Мы ведь говорим о ледяном Нормане.

Чтобы развеять набежавшую грусть друга, Роджер заговорщически подмигнул и сменил тему:

— Кстати, как тебе утренняя присяга о неразглашении? Впечатляет, правда?

— Потрясающе, невероятно, просто уму непостижимо, — Хань Цзин подобрал слова, чтобы выразить всю степень своего потрясения.

Роджер хитро прищурился и с улыбкой спросил:

— И как тебе этот атлант? Прекраснее любого цветка, изящнее чистейшего нефрита... Скажи, по-твоему, это мужчина или женщина?

Насторожившись из-за лисьего взгляда собеседника, Хань Цзин попытался разгадать скрытый смысл вопроса. Не обнаружив явного подвоха, он ответил коротко:

— Мужчина.

— Ну точно, так я и думал! — Роджер торжествующе покачал бокал. — Значит, ты не врал мне тогда. Твоё сердце действительно отдано мужчине.

— Что?! — Хань Цзин растерялся от этой логики, чувствуя себя одураченным.

Роджер приобнял его за плечо:

— А вот это — плод моих личных наблюдений. Каждый, кто видит этого неопишимо прекрасного атланта, подсознательно приписывает ему тот или иной пол. На самом же деле у них стёрты явные маркеры гендера — это абсолютная, дикая красота самой природы. Верно ведь?

Вспомнив этот образ — шёлковые струящиеся волосы, бездонный взгляд и безупречный, словно высеченный из драгоценного нефрита силуэт, — Хань Цзин на мгновение задумался, а затем кивнул.

— Пожалуй, ты прав...

— Это существо — как ящик Пандоры, — развивал свою мысль Роджер. — Оно вытаскивает наружу самые сокровенные, порой неосознанные желания и предпочтения. Генерал Шерман убеждён, что это женщина, а для меня он — мужчина. Всё просто: Шерман без ума от женщин, я люблю Гленна, а в твоих мыслях тоже царит мужчина.

— Ну как тебе моя теория? — победоносно ухмыльнулся Роджер.

Хань Цзин поправил очки и заговорил серьёзно:

— Я думал, у тебя более глубокие выводы. Лично мне кажется, что если слова атлантов —

правда, то они и есть те самые боги из наших древних легенд. Роджер, ты ведь Эксперт по древним языкам и отлично знаешь историю. Как думаешь, могут ли мифы и предания доносить до нас крупинцы подлинной истории Атлантиды?

«Какое совпадение... Только недавно искал материалы по этой теме для Мориса, а теперь ещё и Хань Цзин расспрашивает. Похоже, придётся взяться за это всерьёз».

Немного помолчав, Роджер ответил:

— Мифология разных народов разительно отличается, как и сюжеты о происхождении богов. Но если взять за основу две главные ветви — восточную и западную, — у них обнаружится одна общая черта. Они обе трактуют человеческое вожделение как первородный грех. В восточных верованиях высшие божества всегда бесстрастны и чисты, тогда как демоны и низшие духи погрязли в похоти. На Западе это выражено ещё ярче: взять хотя бы средневековую теологию, где плотские желания считались тяжелейшим пороком, а монахи истязали плоть во искупление грехов.

— На протяжении веков вожделение клеймилось как нечто тёмное и грязное. Лишь в последние столетия человечество сбросило эти оковы и признало плотское влечение естественной физиологической потребностью. Но корень в том, что современная наука отвергает мифы, списывая рассказы о творцах на наивные фантазии предков. Но что, если атланты действительно создали нас? Если они и есть те самые демиурги из легенд? Тогда всё меняется. Вполне вероятно, что для их расы вожделение действительно является абсолютным злом и пороком.

— Разумеется, это лишь мои досужие рассуждения... Хотя есть и другая версия: сама Атлантида погибла именно из-за того, что погрязла в пороке. Эта безумная гипотеза восходит к древним текстам. По описаниям Платона, на закате своего величия атланты погрязли в роскоши и разврате, предали духовные идеалы и навлекли на себя гнев богов, за что их цивилизация и была погребена на дне океана. И по странному совпадению, Бермудский треугольник расположен как раз в северной части Атлантики...

Роджер вдруг умолк и встревоженно взгляделся в помрачневшее лицо собеседника.

— Эй, Цзин-эр, что с тобой?

— Да так, пустяки, — Хань Цзин поспешно нацепил беззаботную улыбку, пряча затаившуюся в глазах тревогу. — Просто подумал... если атланты узнают, какими порочными мы их выставили в своих книгах, они ведь могут не на шутку рассердиться.

— Кто знает? Ну, за науку! — Роджер добродушно усмехнулся и потянулся к бокалу.

Хань Цзин коснулся своим бокалом его, но на душе у него скребли кошки.

Если догадка Роджера верна, и вожделение для атлантов — первородный грех, то что тогда означали те долгие, исполненные безумной страсти ночи, что они провели с Морисом в плену иллюзии Атлантиды?..

Впрочем, это были лишь фантазии его старшего товарища, шанс правдивости которых стремился к нулю. Не могла столь совершенная раса пасть из-за обычных плотских утех.

<http://bllate.org/book/19677/1956658>